

УДК 94(470)"16/18"

О ХАРАКТЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX СТОЛЕТИЙ

А.А. Хохлов

Аннотация

В статье представлен анализ взаимоотношений между учащимися Казанской духовной семинарии и семинарским начальством. Отражены общие тенденции и закономерности развития этих отношений, определён круг противоречий между названными сторонами. Рассматривается характер протеста учащихся, его формы и генезис, показано влияние внешнего и внутреннего факторов на обострение ситуации в этом учебном заведении, продемонстрирована ответная реакция духовной иерархии и Святейшего синода, транслируется позиция и роль в этом процессе государственных органов власти. Подход к изучению проблемы базируется на исследовании ранее не публиковавшихся архивных документов.

Ключевые слова: Казанская духовная семинария, Казань, протесты, противостояние, семинаристы, начальство, инспекция, ректор, духовенство, Синод.

На рубеже XIX – XX вв. православное духовное образование вступило в полосу системного кризиса. Именно системного, поскольку внутрицерковные противоречия, обусловленные конфликтом государственного и церковного типов мировидения, стали проявляться в полную силу даже несмотря на неусыпный контроль «всевидящего ока» – стряпчего в Церкви по делам государственным обер-прокурора Святейшего синода Константина Петровича Победоносцева. Двухсотлетний диктат государства в религиозной сфере, определивший на несколько поколений вперёд, кто и какую функцию должен выполнять, какова задача отдельных элементов в государственной машине, породил кризисные явления, которые постепенно стали обретать все признаки застарелой болезни¹.

Церковный организм, изначально ориентированный на внебюрократичную структуру, но волей истории оказавшийся в зависимости от государственной системы, находился в патовом состоянии и всё чаще подавал сигналы о своём бедственном положении. У многих современников складывалось впечатление,

---

¹ История этой трагедии восходит ещё к петровским временам, когда великий царь-реформатор устами верного епископа Феофана по-европейски чётко сформулировал новое кредо жизни Православной Церкви: «Исповедую же с клятвою крайняго Судию Духовныя сея Коллегии (Св. синода. – А.Х.) быти Самаго Всероссийскаго Монарха, Государя Нашего Всемилостивейшаго. Клянуся и еще Всевидящим Богом, что вся сия, мною ныне обещаваемая, не инако толкую во уме моем, яко провещаваю устами моими, но в той силе и разуме, яковою силу и разум написанныя зде слова чтущим и слышашим являют. Утверждаю клятвою моею, буди мне Сердцевидец Бог, обещания моего Свидетель, яко неложное есть. Аще же есть ложное и не по совести моей, буди мне тот же Правосудный отмститель. В заключении же сея моя клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь» (ДР, с. 3).

что процесс достиг «точки бифуркации» и дальнейшие перспективы не определены, а то и просто мрачны.

На рубеже XIX – XX вв., пожалуй, наиболее чётко эти проблемы сфокусировались в области духовного образования, вызывая болезненную реакцию её наиболее чутких и проницательных представителей. Так, в 1902 г. во время Годичного акта в стенах Казанской духовной академии² профессор этого учебного заведения Ф.В. Благовидов³ выступил с тезисами из своего сочинения «Этюд из истории высшего образования в России за время царствования императоров Александра и Николая I» [1], в котором в откровенной форме подверг критике запретительную учебную политику Николая I. Демарш «мятежного» преподавателя вызвал возмущение присутствовавшего на акте попечителя Казанского учебного округа и правящего архиерея. Профессору инкриминировали политическую неблагонадёжность и вскоре предложили покинуть академию (КДА, с. 791–792).

О проблемах и волнениях в духовных учебных заведениях указанного периода за последнее время написано достаточное количество работ (см., например, [2–7]). Однако, несмотря на это, сегодня (как, впрочем, и в начале XX в.) данную тему в церковном сообществе не принято актуализировать. Считается, кроме всего прочего, что протестные идеи и движения в лоне духовных школ носили локальный, не существенный характер, что это было скорее досадное недоразумение, итог недоработки отдельных нерадивых воспитателей и инспекторов, нежели общая закономерность. Порой увлечение семинаристов революционными концепциями и вовсе связывают с происками «врагов Церкви». Иногда подобные умозаключения обретают довольно наивные формы, лишённые, к сожалению, понимания глубокой детерминированности рассматриваемых процессов. К примеру, в предисловии к дипломной работе воспитанника Сретенской духовной семинарии Ю. Филиппова «Революционное движение и духовные школы России в конце XIX – начале XX веков», опубликованной на сайте www.pravoslavie.ru, ректор названной духовной школы архимандрит Тихон (Шевкунов) пишет: «Полтора года назад я предложил ему (Ю. Филиппову. – А.Х.) исследовать явление участия студентов духовных школ в русских революциях. Особенно интересно было понять, каким образом те, кто изначально готовился стать пастырями Христовой Церкви, постепенно превращались в наёмников, а то и волков, расхищающих стадо Божие...» [8].

Подобные упрощённые трактовки столь важных проблем церковного образования довольно просто объяснить, принимая во внимание существующую церковно-историческую парадигму, согласно которой цель истории состоит не столько в реконструкции прошлого, сколько в превращении событий прошлого в фон для нравственно-этических уроков. Но как быть, если некоторые факты земной истории Церкви вступают в противоречие с заданной установкой? В этом случае религиозное сознание попросту выносится за контекст исторической реальности (см. [9, с. 29]). Историк Церкви П.И. Гайденок видит в этом

---

² В тексте статьи будут использоваться следующие сокращения: Казанская духовная академия – КДА, Казанская духовная семинария – КазДС, Казанское губернское жандармское управление – КГЖУ.

³ Благовидов Фёдор Васильевич (род. в 1865 г.) – историк, воспитанник Казанской духовной академии, преподаватель русской гражданской истории.

недостаток всей церковной науки: «Столь оригинальное интеллектуальное поле не могло не повлиять на характер исследований» [10, с. 21].

Подмеченная амбивалентность церковного сознания имеет к интересующему нас вопросу непосредственное отношение. Так, в среде немногочисленного казанского церковно-исторического сообщества существует устоявшееся мнение, что бунты и волнения в своей массе обошли стороной казанские духовные школы⁴. Весьма авторитетный исследователь в области истории православия в Казанском крае Е.В. Липаков пишет: «Казалось бы, Казанская духовная семинария, находящаяся не в обычном губернском городе, а в центре общественного движения, в том числе и радикального, совсем рядом с университетом, должна была быть в числе самых “передовых” с точки зрения участников революционного движения. Но дело обстояло иначе» [12, с. 8]. Хотя, впрочем, историк однажды всё же вынужден был отметить: «Тем не менее, по агентурным данным, многие учащиеся семинарии участвовали в собраниях и даже состояли в революционных партиях социал-демократов (большевиков и меньшевиков) и эсеров» [13, с. 56], однако наличие этих фактов он связывал с влиянием внешних обстоятельств.

Сам факт внешнего влияния, не только косвенного, но и целенаправленного, конечно, не вызывает сомнения. На это, в частности, указывает с виду столь несущественный, но всё же очень интересный эпизод из жизни Казанской духовной семинарии конца XIX века. 22 марта 1899 г. в докладе ректора Казанской семинарии архимандрита Кирилла (Лопатина) на имя архиепископа Казанского Арсения (Брянцева) сообщалось, что «13 марта служитель удалил с тротуара одного “ветеринара” (студента Ветеринарного института. – А.Х.)⁵, желавшего знать, были ли семинаристы сегодня на ужине и шумели ли они в столовой» (НАРТ 2а, л. 14). Да и городские события, обусловленные нарастанием политической напряжённости, не могли не повлиять на жизнь семинарии, находившейся в самом центре города, «под боком» у бурлящего университета. Сам характер семинарской жизни во многом этому способствовал, так как значительная часть семинаристов проживала не в стенах семинарии, а на частных квартирах где-нибудь на окраине, порой селясь с учащимися других учебных заведений, что, в свою очередь, затрудняло инспекторский надзор и наблюдение [14, с. 138]. При таком сожительстве обмен идеями и литературой мог осуществляться довольно легко.

Показательным примером в данном случае служит небезынтересный эпизод посещения семинарским начальством двух квартир семинаристов на окраине Казани. 13 декабря 1901 г. ректор Казанской семинарии протоиерей Александр Зеленицкий, подозревая воспитанников духовной школы в хранении запрещённой литературы, произвёл у них обыск. Отец Александр обстоятельно описал свой визит: «При обыске квартиры мною были осмотрены книги,

⁴ Хотя ещё Б.В. Титлинов (см. [11]) показал, что это не так. Среди современных работ можно выделить кандидатскую диссертацию Т.А. Павленко [7].

⁵ Как известно, в революционном студенчестве Казани наибольшую известность получили студенты Казанского императорского университета и Ветеринарного института. Оперативные сводки КГЖУ, а затем и судебные дела пестрят фамилиями студентов этих учебных заведений. Важные сведения сообщает и Б.В. Титлинов: «Действительно, было замечено участие в семинарских событиях студентов местного ветеринарного института, комплектуемого в значительной степени из семинаристов. Студенты-ветеринары и были, по-видимому, связующим звеном между семинарией и светскими высшими учебными заведениями г. Казани» [11, с. 66–67].

вещи и постельные принадлежности (!) учеников... Мною найдены рукописные воззвания к семинаристам... в которых он (один из семинаристов. – А.Х.) жалуется на недопущение семинаристов в университеты и дерзко бранит высшую духовную власть, а также сочинение Л.Н. Толстого “Письмо к фельдфебелю”. На второй квартире – рукопись “Патриотизм и правительство”, брошюру “Николай Палкин. Рассказ старого солдата” и “Сказку про царя Ахреяна, ходившего жаловаться к Богу”» (НАРТ 3, л. 19–19 об.).

Несмотря на явную (по современным нормам) противозаконность и даже нравственную недопустимость действий ректора, протоиерей Александр Зеленицкий, учитывая нравы конца XIX – начала XX в. и дисциплинарно-охранительную целесообразность, поступил абсолютно оправданно. Ещё в 1882 г. в канцелярии обер-прокурора Святейшего синода был составлен секретный циркуляр за № 151 на имя преосвященных архиереев, довольно чётко обозначивший отношение высшей церковной власти к разного рода «сомнительной» литературе, которой имели слабость увлекаться семинаристы и академики. Непосредственным автором этого циркуляра, судя по тексту, был К.П. Победоносцев. Позволим себе привести здесь отрывок из этого документа. «Печальный опыт последних двух десятилетий, – говорится в тексте, – показывает, что подобного рода журналы и газеты не только не производят благотворного влияния на наше молодое поколение, приготавливающегося (sic!) к священному служению Церкви, но оказываются даже положительно вредными для него, возбуждая в незрелых умах юношей убеждения, воззрения и идеи и образуя в них нравственное настроение, решительно не соответствующее их будущему служению. Посему я признавал бы весьма желательным, чтобы все подобные издания на будущее время были изъяты из числа приобретаемых в семинарские библиотеки на казённый счёт. К таким изданиям, по моему мнению, главнейшее принадлежат: журналы “Отечественные записки”, “Русская мысль” и “Вестник Европы”» (НАРТ 2в, л. 2).

Внутренних причин роста напряжённости и опасности дестабилизации нормальной жизнедеятельности духовной семинарии также было предостаточно. Можно назвать как объективные, так и чисто субъективные причины, обусловленные градусом психологической атмосферы в духовной школе. Правда, справедливости ради стоит отметить, что при всех имевших место проблемах и недостатках в бытовом плане Казанская семинария отличалась от других в лучшую сторону, поэтому данный фактор был не столь существенным. К концу XIX в. казанские семинаристы, в отличие от своих собратьев из других семинарий, не ютились в холодных помещениях с протекающей крышей: «По сравнению с другими семинариями Казанская выделялась благоустроенностью, дело здесь было не столько в распорядительности ректора, сколько в наличии больших площадей. Поэтому классы, спальни, столовая были просторными, все учащиеся свободно помещались в здании» [13, с. 56].

Это стало возможным благодаря тому, что ещё в 60-е годы XIX в. стараниями казанского архиепископа Афанасия (Соколова) из Святейшего синода были выделены значительные средства на постройку нового здания семинарии. За три года – с 1862 по 1865 – было выстроено огромное двухэтажное здание, фасадом во весь квартал. Первый этаж составляли лавки, сдаваемые в аренду и служившие продолжением Гостиного двора. На втором располагались учебные

и жилые помещения [15, с. 231]. Такой прагматичный подход администрации семинарии лишь повышал благосостояние учебного заведения, минимизируя вероятность возникновения волнений на фоне тесноты и скудости питания. Минимизируя, но не снимая полностью.

Однако относительно напряжённости внутренней жизни и остроты противоречий между семинарским начальством (в особенности воспитательным составом) и учащимися дело обстояло иначе. И тут Казанская семинария не являлась счастливым исключением из более чем четырёх десятков других подобных ей. Иллюстрацией данного тезиса может служить письмо родителям ученика II класса КазДС Евлампия Звёздкина, датированное 18 февраля 1896 г.⁶: «Здравствуйте, милые родители! Папаша и Мамаша! Будьте здоровы! Вас всех крепко целую. Папа, простите, что я буду писать, может быть, для Вас очень неприятное письмо, – да делать нечего. Я хочу выходить из Семинарии по причине следующих обстоятельств: я хотя учусь ладно, но меня подозревает всё начальство, будто бы я пьянствую, вообще вроде этого инспектор не с того не с сего считает и называет негодяем, вообще всякая проказа класса падает на мою голову, поэтому я и счёл самым лучшим выйти из оной, да и Вас не наказать в деликатном отношении. Кроме этого с нашей квартиры уже уволили 2 учеников, а поэтому, естественно, находится в подозрении. При том наша Семинария отличилась поведением, у нас уволено уже 7 либералов. Так что и в этом отношении дела у всей Семинарии плохи. Могут даже подумать на меня и уволить с 3 поведения. Еще папа прошу Вас не сердиться на меня, а потому написать заявление о согласии Вашем о моем выходе из Семинарии Ректору. Заявление пишите так...» (НАРТ 2г, л. 32).

Как видим, в письме довольно откровенно говорится о неблагополучном положении дел в духовной школе, брожении молодых умов и дисциплинарных мерах начальства. Письмо наглядно демонстрирует внутреннее напряжение, обусловленное испытываемым учеником психологическим дискомфортом от семинарской жизни, в которой, по аналогичному откровению великого историка С.М. Соловьева, который сам некоторое время учился в бурсе, «была грубость, чернота с латынью и диспутами» (МЗ, с. 8). Небезынтересно, что Сергей Михайлович однажды в отрочестве стал свидетелем случая, потрясшего его на всю жизнь: «Само училище возбуждало во мне сильное отвращение по страшной неопрятности, бедному, сальному виду учеников и учителей, особенно по грубости, зверству последних: помню, какое страшное впечатление на меня, нервного, раздражительного мальчика, произвёл поступок одного тамошнего учителя: кто-то из учеников сделал какую-то вовсе незначительную шалость; учитель подошёл, вырвал у него целый клочок волос и положил их перед ним на стол. Я чуть-чуть не упал в обморок от этого ирокезского поступка» (МЗ, с. 8).

Даже в каникулярное время семинаристы постоянно чувствовали за собой неусыпный контроль. Императорский указ от 1884 г. «О мерах к возвышению

---

⁶ По всей видимости, это письмо так и не попало к адресату – оно оказалось в руках семинарской инспекции. Дальнейшая судьба семинариста Звёздкина нам неизвестна. В архиве сохранились лишь его собственноручное прошение на имя ректора КазДС с просьбой об отчислении из семинарии и запись в журнале выбывших из КазДС за 1899 г., согласно которой отчислен он был всё же не по собственному желанию, а «по малолетности».

религиозно-нравственного воспитания в православных духовно-учебных заведениях» и составленный на его основе приказ Казанской духовной консистории жёстко обязывали духовенство Казанской епархии следить за поведением учащихся духовных школ. «Вменить благочинным приходских церквей в обязанность обращать внимание... на поведение воспитанников духовно-учебных заведений во время домашних отпусков... и замечания свои по этому предмету представлять Епархиальному Преосвященному», – говорилось в приказе (ИКЕ, с. 100).

Такие меры, безусловно, вызывали протест учащихся, который постепенно набирал силу. К началу XX в противостояние инспекции и семинаристов в КазДС достигло своего апогея, отчасти обретя политизированную окраску. По силе воздействия на психику учеников этот надлом внутрисеминарской жизни, как нам представляется, был очень значительным. Данный тезис находит множество подтверждений в дошедших до нас источниках. В 1901 г. Казанское губернское жандармское управление, обеспокоенное нездоровой обстановкой в Казанской духовной семинарии и поступающими от агентуры тревожными сведениями, вынуждено было даже завести следственное дело. 21 июня 1901 г. казанский полицмейстер Панфилов в секретной записке на имя начальника КГЖУ сообщал, что «в Казани в квартире Поликарпова в доме Дмитриевского в Кошачьем переулке планируется сходка семинаристов со всей России для обсуждения вопросов допуска в университеты без аттестата зрелости и излишнего давления инспекции» (НАРТ 3, л. 1).

Изначально спонтанные протесты со временем стали оформляться в серьёзное движение с чётко выверенными целями и задачами, а также инструментарием, необходимым для их достижения. Его практическую основу составляло конфронтационное противопоставление самими учащимися себя церковному начальству различных ступеней – от семинарской инспекции до Учебного комитета при Святейшем синоде. Суть этой модели поведения укладывалась в корпоративный принцип «мы – они» и в немалой степени базировалась на убеждённости учащихся в определённого рода собственной инаковости. Такую своеобразную амбивалентность самопозиционирования учащихся духовных школ в позднеимперский период, причём в разных сферах жизни, подметила в своих исследованиях ещё Л. Манчестер [16].

Потенциал конфликтности у такой системы отношений был чрезвычайно велик. Исследователь А.В. Ушаков отмечает, что уже в 1901–1904 гг. число семинаристских выступлений было в три раза больше, чем в 1895–1900 гг. (66 против 22) [17, с. 10]. Правда, причину столь бурной динамики он видит в активизации революционной пропаганды. Возможно, отчасти это так, хотя, без сомнения, зерно данной пропаганды падало на благодатную почву. Зажатость в рамках одного сословия и попытки церковных властей насильно удержать в нём будущих выпускников семинарий и академий сами по себе уже были серьёзным провоцирующим фактором. Таким образом, создавалась своего рода гидравлическая модель, когда энергия сопротивления учащегося класса возрастала, усиливая давление на сдерживающие механизмы церковного начальства и создавая опасность их разрушения.

Мы уже отмечали, что субъективные особенности внутрисеминарской жизни отнюдь не способствовали сглаживанию этой негативной по сути тенденции.

Сами семинаристы порой жаловались в полицию (!) на действия епархиального и семинарского начальства, на неисполнение ими публично взятых на себя обязательств⁷. В такой ситуации рассчитывать на взаимопонимание не приходилось, и итогом всего становилось усугубление проблемы. По сведениям Т.А. Павленко, в 1899 г. дело дошло до того, что казанские семинаристы планировали нанести побои ректору, однако тот анонимно был предупреждён, и расправы удалось избежать [7, с. 247]. Эти сведения подтверждаются и архивными источниками. В частности, всё тот же полицмейстер Панфилов 4 апреля 1899 г. в рапорте на имя казанского губернатора свидетельствовал: ректор семинарии архимандрит Кирилл заявил ему, что семинаристы готовятся произвести беспорядки в стенах заведения, нанести побои ему и другим служащим (НАРТ 1, л. 4).

Столь вопиющее поведение по отношению к ректору со стороны учащихся объективно должно было иметь определённые основания. Понимало это, по-видимому, и высшее синодальное начальство. Чувствуя неустойчивость своего положения, в «Почтительнейшем докладе» архиепископу Казанскому и Свияжскому Арсению архимандрит Кирилл в оправдательном тоне и очень патетично описывает свои неустанные заботы об организации учебного процесса в духовной школе и о её материальном и хозяйственном благосостоянии, как бы пытаясь доказать, что проблема внутрисеминарского противостояния вовсе не имеет причинного отношения к личности ректора. «И если бы благоугодно было бы Вашему Высокопреосвященству потребовать от меня доказательств улучшения дел по учебной и педагогической частям, то и в них я с такой же основательностью показал бы прогресс как в самой постановке учебно-воспитательного дела, так и в изыскании средств для сего», – резюмирует архимандрит Кирилл (НАРТ 2а, л. 13 об.).

Однако, по всей видимости, ситуация была столь серьёзна, что в Святейшем синоде решили не рисковать и переместить ректора КазДС на более спокойное место службы. Такое нашлось, но не в Казанской епархии, а в далёкой Астраханской семинарии, о чём канцелярия обер-прокурора Святейшего синода и поспешила уведомить императорским указом казанского архиепископа Арсения 12 августа 1899 г. (НАРТ 2б, л. 14). Решение было принято даже несмотря на то, что сам преосвященный Арсений полностью поддерживал «проблемного» архимандрита и верил ему (НАРТ 2а, л. 12).

Спешность принятия решения обуславливалась, скорее всего, и громким случаем, произошедшим в то же самое время в Киеве, когда отчисленным семинаристом было совершено покушение на инспектора местной семинарии, так что в Казани даже сочли необходимым выделить охрану епархиальному архиерею и членам правления КазДС (НАРТ 1, л. 8).

Тем не менее Казанская семинария после принятых мер жить спокойнее не стала. Беспорядки и протесты в стенах КазДС продолжились и при преемнике архимандрита Кирилла Александре Зеленицком, бывшем до того инспектором

---

⁷ «12 апреля во 2-м часу дня ко мне явилось 12 человек воспитанников Семинарии с желанием узнать, не по сообщению ли полиции уволены из Семинарии 10 человек их товарищей и не арестованы ли некоторые из последних полицией... При этом семинаристы заявляли, что им обещано, что, если они принесут извинения за первые беспорядки, никто из участников не будет уволен, но что обещание это, несмотря на подчинение означенному требованию, не исполнено и около 10 человек уже уволено из Семинарии» (НАРТ 1, л. 6).

этой духовной школы. Более того, к 1901 г. в КазДС стала формироваться законспирированная ученическая организация⁸, осуществлявшая деятельность во всероссийском масштабе и ставившая своей целью слом существующих порядков в духовной школе.

Таким образом, внутренняя атмосфера жизни Казанской духовной семинарии на рубеже XIX – XX вв. характеризуется беспрецедентным ростом напряжённости и протестного потенциала при параллельном углублении антагонизма между начальствующими и учащимися.

Summary

A.A. Khokhlov. On the Nature of Internal Life at Kazan Theological Seminary at the Turn of the 20th Century.

The article presents an analysis of the relationships between the students and administration of Kazan Theological Seminary. The general tendencies and patterns in the development of these relationships, and a circle of contradictions between the said parties are defined. The nature of the students' protest and its forms and genesis are considered. The contribution of internal and external factors to the aggravation of the situation at the seminary is specified. The response of the spiritual hierarchy and the Holy Synod is demonstrated, and the role and position of the state authorities in this process is reported. The research is based on previously unpublished archival documents.

Keywords: Kazan Theological Seminary, Kazan, protests, opposition, seminarists, administration, inspection, rector, clergy, Synod.

Источники

- НАРТ 1 – НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 1 (Канцелярия Казанского губернатора). Оп. 3. Д. 11942 «Об ученических беспорядках в Казанской духовной семинарии». 10 л.
- НАРТ 2а – НАРТ. Ф. 116 (Казанская духовная семинария). Оп. 1. Д. 942 «О беспорядках в общежитии семинарии». 38 л.
- НАРТ 2б – НАРТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 960 «О перемене в составе служащих семинарии». 19 л.
- НАРТ 2в – НАРТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1678 «О лицах, которым запрещена педагогическая деятельность, и об увольнении студентов из Университетов ввиду политической неблагонадёжности». Циркуляр Победоносцева о журналах. 29 л.
- НАРТ 2г – НАРТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1694 «Переписка об увольнении и приёме студентов семинарии». 89 л.
- НАРТ 3 – НАРТ. Ф. 199 (Казанское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 129 «Дело о кружках семинаристов в г. Казани». 525 л.
- ДР – Духовный регламент Петра Первого. С прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». – М.: URSS; Либроком, 2012. – 200 с.
- ИКЕ – Известия по Казанской епархии за 1883–1884 гг. – Казань: Изд-во Казан. имп. ун-та, 1884. – № 4.
- КДА – Харлампович К.В. Казанская духовная академия (1884–1907) // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – С. 702–853.
- МЗ – Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. – Пг.: Прометей, 1907. – 174 с.

⁸ Так называемый Временный центральный организационный совет семинаристов (ВЦОСС).

Литература

1. Благовидов Ф.В. // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Blagovidov-fedor-vasilevich-63639.html>, свободный.
2. *Колыванов Г.Е.* Духовные семинарии в России в 1880-е – 1920-е гг.: Дис. ... канд. богословия. – Сергиев Посад, 1999. – 230 с.
3. *Мальшева Н.В.* Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX в.: По материалам Среднего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 1998. – 302 с.
4. *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). – М.: Православ. Св.-Тихон. гуманит. ун-т, 2006. – 658 с.
5. *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. – М.: Нов. хронограф, 2005. – 567, XVI с.
6. *Ушаков А.В., Образцова О.А.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX – XX веков. – М.: ИД «С днём рождения», 1999. – 144 с.
7. *Павленко Т.А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009. – 414 с.
8. *Филиппов Ю.* Революционное движение и духовные школы России в конце XIX – начале XX веков. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060411150717.htm>, свободный.
9. *Гаврюшин Н.К.* Самопознание как таинство // Русская религиозная антропология: Антология: в 2 т. – М.: МДА, 1997. – Т. 1. – С. 7–43.
10. *Гайденок П.И.* Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: становление высшего церковного управления (1037–1093). – Казань: ТОИС, 2006. – 182 с.
11. *Титлинов Б.В.* Молодёжь и революция: из истории революционного движения среди учащейся молодёжи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. – Л.: Госиздат, 1924. – 166 с.
12. *Липаков Е.В.* Очерки истории казанских духовных школ // Семинарский вестник (КазДС). – Казань, 2008. – № 1 (21). – С. 8–10.
13. *Липаков Е.В.* Казанская духовная семинария: исторический очерк. – Казань: Центр инновац. технол., 2007. – 131 с.
14. *Флоровский Г.*, прот. Пути русского богословия: в 2 ч. – N. Y.: Holy Orthodox Trinity School, 2003. – Ч. 2. – 230 с.
15. *Липаков Е.В.* Архипастыри Казанские (1555–2007). – Казань: Центр инновац. технол., 2007. – 475 с.
16. *Manchester L.* Secular Ascetics: The Mentality of Orthodox Clergymen's Sons in Late Imperial Russia: Ph. D. Dissertation. – Columbia: Columbia Univ., 1995. – 634 p.
17. *Ушаков А.В.* Движение учащихся духовных семинарий России в конце XIX – начале XX веков // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. – 2011. – № 2 (8). – С. 8–14.

Поступила в редакцию
20.11.12

Хохлов Александр Анатольевич – аспирант, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия.
E-mail: a_radiance@mail.ru